

Исследования этнической толерантности личности

Шлягина Елена Ивановна

кандидат психологических наук,
старший научный сотрудник кафедры
психологии личности факультета
психологии МГУ им. М.В. Ломоносова.

Ениколопов Сергей Николаевич

руководитель отдела
медицинской психологии
Научного центра психического здоровья
Российской академии медицинских наук
(НЦПЗ РАМН),
зав. кафедрой криминальной
психологии факультета юридической
психологии Московского городского
психолого-педагогического университета.

Е. И. Шлягина, С. Н. Ениколопов

С середины 70-х гг. прошлого века во многих странах мира, полиэтнических по своему составу, в том числе и в СССР, при все более углубляющейся интернационализации культур и унификации образа жизни начала развиваться тенденция роста этнической идентичности (этничности)¹. Эта тенденция хотя и была замечена отечественной наукой, но не подверглась первоначальному теоретическому осмыслению и, не вписываясь в существующие на тот момент научные парадигмы, получила название «этнического парадокса современности». Тем самым была снята необходимость научного прогноза развития данного явления. В последние годы этнические процессы в мире еще больше активизировались, превратившись в сформировавшееся явление «этнического ренессанса».

Кризис идентичности, связанный с нивелировкой «Я» и наблюдающийся в странах Запада в последние десятилетия, остро переживается не только как трагедия отдельной личности, но и как трагедия общества. Личности

не с кем отождествиться, превратить свое одинокое «Я» во внушительное «Мы». Растут неудовлетворенность, обида, безнадежность. Это — социальная фрустрация, при которой национальность воспринимается как аварийная группа поддержки, наиболее доступная форма групповой идентификации для больших масс людей.

Данные этносоциологических исследований свидетельствуют, что этничность в полиэтнических государствах возрастает в условиях социально-экономических кризисов и политических напряжений. Политические и экономические процессы, начавшиеся в нашей стране в конце 80-х гг. прошлого века, явились катализаторами стремительного роста этничности. Стагнация нашего общества привела к снижению его нравственного уровня. В основе обоих этих явлений лежит один механизм — психологическая защита личности от деиндивидуализации.

«Этнический ренессанс» — явление по своей сути глубоко положительное, поскольку актуализирует ценность этнокультурного многообразия и этни-

¹ Под этнической идентичностью (этничностью) понимается эмоционально-когнитивный процесс объединения субъектом себя с другими представителями одной с ним этнической группы, а также осознанное отношение как к ценности к истории и культуре своего народа, к его нравственным идеалам и интересам, традициям, обрядам, фольклору и языку, к территории проживания этноса и его государственности.

ческого опыта. Однако рост этничности приводит к усилению этноцентризма, который в условиях снижения нравственного сознания общества и возможного воздействия так называемого «подросткового синдрома»² чреват негативными последствиями. Он усиливает, гипертрофирует и абсолютизирует разницу между «своими» и «чужими», что приводит к росту национализма, всплеску межнациональной розни.

Согласно последним социологическим данным, этничность остается весьма существенным фактором развития различных регионов России и стран СНГ, что требует внимательно-го отношения со стороны профессиональных психологов.

Кризис идентичности, связанный с нивелировкой «Я» и наблюдающийся в странах Запада в последние десятилетия, остро переживается не только как трагедия отдельной личности, но и как трагедия общества.

Межэтническая напряженность в бывших союзных республиках, а теперь самостоятельных государствах, привела к миграции большого количества людей. Возникают проблемы, связанные не только с жильем, трудоустройством, акклиматизацией, но и с трудностями психологической адаптации при попадании в другую культурную среду. В США, Канаде, Австралии, во многих полиэтнических странах Европы существуют специальные этнопсихологические консультационные службы, которые занимаются этими проблемами, а также вопросами предупреждения различных этнических конфликтов.

Этнопсихологические характеристики личности (или группы) проявляются в различных критических ситуациях межличностного и внутриличностного выбора тогда, когда старые, наработанные при ином социально-экологическом образе жизни

этнические стереотипы и нормы решения проблем не срабатывают, а новые еще находятся в процессе своего формирования. То есть специфические этнопсихологические феномены обнаруживаются в ситуациях взаимодействия разных культур, оказываются продуктом совместной деятельности в этих ситуациях.

Для обеспечения эффективности любых форм этнопсихологической работы (научные исследования, многоцелевой межкультурный тренинг, индивидуальные методы коррекции самосознания для лучшего понимания своей культуры и т. п.) требуется психодиагностика актуального этнопсихологического статуса (АЭПС)³ личности.

Определение актуального этнопсихологического статуса дает возможность прогнозировать поведение субъекта при встрече с другой этнической культурой и служит базой для дальнейшего проведения коррекционной работы по предупреждению или амортизации «культурного шока». Они могут оказать существенную помощь в предупреждении крайних форм негативного поведения в ситуациях межэтнического взаимодействия.

Подбор методов для психодиагностики этнопсихологических проявлений личности, свидетельствующих о ее актуальном этнопсихологическом статусе, требует особого внимания. Мы остановимся на подходе, предложенном А.Г. Асмоловым и Е.И. Шлягиной [2]. Рассмотрим выделенные ими различные уровни анализа АЭПС, а также соответствующие им методические приемы их изучения.

Первый квазипсихологический уровень изучения этнических проявлений — это уровень, на котором исследуются существующие в массовом сознании представления (об эталонах восприятия, чертах личности, нравственных ценностях и нормах поведения), характеризующие некоторую типичную для данного этноса личность. Именно эти представления о различных этнических стереотипах социализируются личностью в ходе ее интериоризации в той или иной этнической общности. В качестве методических приемов исследования здесь могут выступать различные опросники: метод шкалирования этноцентризма Д. Левинсона, шкалы социальной дистанции Богардуса, методика «приписывания качеств» Д. Катца и К. Брейли, метод контент-анализа и др. Подчеркнем, что с их помощью выявляются представления об этническом характере, бытующие в культуре, но не место и функции этнических стереотипов в собственно индивидуальной жизни личности.

На *втором — интерпсихологическом, интерсубъектном уровне* исследуются этнические операциональные установки, возникшие в ходе интериоризации этнических стереотипов, существующих в массовом сознании и определяющих поведение участников совместной деятельности. Этот пласт установок может быть изучен с помощью различных методик, моделирующих поведение субъекта в ситуациях «закрытого» общения, построенных по нормативно-заданным правилам. Например, известный парадокс Лапьера иллюстрирует расхождение между реальным и вербальным поведением владельцев американских отелей по отношению к китайцам. В ситуации «закрытого» общения могут быть использованы различные приемы изучения группового давления, сконструированные по типу известной методики исследования конформности С. Аша. Разработка таких методик для исследования этнических операциональных установок — насущная задача этнопсихологии.

² Подростковое мышление отличается, как известно, максимализмом, нетерпеливостью, неисторичностью в понимании причинно-следственных отношений. «Подростковый синдром» в мышлении взрослых людей является также следствием деиндивидуализации социальной жизни в тоталитарных обществах.

³ Под актуальным этнопсихологическим статусом (АЭПС) личности мы подразумеваем степень выраженности и знак этнической идентификации личности, направленность и содержание авто- и гетеростереотипов, уровень этнической толерантности, а также возможные трансформации ее мотивационно-смысловой сферы, которые возникают при взаимодействии с представителями других этнических групп и при решении конфликтных ситуаций в инокультурной среде.

И, наконец, *третий* – *интрапсихологический уровень* анализа этнопсихологических проявлений личности – это уровень изучения этнических смысловых установок, определяющих поступки и действия личности как индивидуальности. Этнические смысловые установки формируются из операциональных этнических установок в том случае, если в определенных проблемно-конфликтных жизненных обстоятельствах те или иные нормы и стереотипы этнической культуры приобретают личностный смысл [1]. В качестве методов диагностики этнических смысловых установок могут быть использованы различные проективные методики, позволяющие исследовать трансформации мотивационно-смысловых образований личности в проблемно-конфликтных ситуациях.

Одной из форм проявления смысловых этнических установок является этническая толерантность личности. В психологии под толерантностью понимается «отсутствие или ослабление реагирования на какой-либо неблагоприятный фактор» [4, с. 401]. Внешне это может выражаться в выдержке, самообладании, способности личности длительно выносить неблагоприятные воздействия без снижения адаптивных возможностей. Социология же под толерантностью подразумевает «терпимость к чужому образу жизни, поведению, обычаям, чувствам, мнениям, идеям, верованиям» [6, с. 350]. Этническая толерантность является частным случаем общей толерантности личности. В социологии под толерантностью имеют в виду именно этот частный случай.

Основываясь на том, что этнопсихологические характеристики личности проявляются, в основном, в различных критических ситуациях межличностного и внутриличностного выбора, и на том, что вхождение личности в новую культурную среду является для нее стрессогенным фактором, снижающим толерантность, мы сформулировали следующую базовую гипотезу. Субъект будет по-разному реагировать на проблемно-конфликтную ситуацию в своей и инокультурной среде, что выражается в разном уровне толерантности личности, так как проблемно-конфликтная ситуация в инокультурной для субъекта среде обладает

большой неопределенностью и более высокой степенью фрустрированности. Уровень этнической толерантности⁴ будет зависеть от степени этнической идентичности личности со своей этнической группой, а также от направленности и содержания авто- и гетеростереотипов.

Для проверки этой гипотезы нами были отобраны четыре методики.

Данные этносоциологических исследований свидетельствуют, что этничность в полиэтнических государствах возрастает в условиях социально-экономических кризисов и политических напряжений.

В качестве первой базовой методики нами использовалась модификация рисуночного теста фрустрации С. Розенцвейга. [7, с. 44–53]. Этот тест позволяет выявить индивидуальные устойчивые особенности реакции на фрустрацию. Индивидуальными переменными, выраженными в показателях теста, являются доминирующие направления реакции (агрессии, по замыслу автора), пропорция типов этих реакций (какие обстоятельства ситуаций в центре внимания), а также степень социальной адаптации (соответствие нормам группы, популяции). Последний показатель, по предположению автора, характеризует не только особенности поведения, но косвенным образом и степень личностной толерантности к фрустрации [7, с. 44].

Кроме того, методика С. Розенцвейга, в отличие от других проективных методик, является в значительной степени стандартизированной и может считаться тестом в психометрическом значении этого слова. Поскольку испытуемый более или менее сознательно идентифицирует себя с фрустрированным персонажем, то полученный профиль ответов можно считать характерным для самого субъекта. К достоинствам методики Розенцвейга относятся высокая ретестовая надежность и возможность модификации для исследования различных этнических популяций. Мы использовали модификацию теста, которая моделировала «попадание» в инокультурную для ис-

пытуемого среду. Тестирование проводилось двумя сериями. Первый раз – в своем классическом варианте, его результаты являлись фоновыми. Во второй раз испытуемого просили представить, что он находится в инокультурной среде (Вильнюсе).

Сравнивая результаты первой и второй серий, мы выявили уровень этнической толерантности личности,

а также выяснили, за счет каких внутриличностных изменений происходит его повышение или понижение. Индикаторами внутриличностных изменений являются изменения типов реакций испытуемых во второй серии по сравнению с реакциями в первой серии. Возможность выявить перемены в мотивационно-смысловой сфере личности в воображаемой ситуации инокультурного окружения придает особую ценность предлагаемой модификации теста С. Розенцвейга.

Как мы уже отмечали, этническая толерантность личности зависит от направленности и содержания авто- и гетеростереотипов. Для их диагностики на интрапсихологическом уровне анализа был выбран второй метод – цветовой тест отношений (ЦТО) [8, 9]. Основанием для выбора этого теста послужил тот факт, что с его помощью возможно получение цветовых ассоциаций по отношению к значимым лицам и социальным стимулам независимо от национальности, возраста и образования испытуемых. Нашим испытуемым в первой серии предлагалось проранжировать цветные карточки в порядке предпочтения с обычной инструкцией, а во второй серии проводился краткий вариант ЦТО, при этом давалась инструкция подобрать цвет, который больше всего подходит к «типичному представителю твоей национальности», и цвет, наиболее подходящий «типичному представителю другой национальности».

---

⁴ Толерантность, проявляемую субъектом в новой для него социокультурной среде, мы назвали этнической толерантностью.

Третьим в батарее методик стал тест «Рисунок несуществующего животного» (РНЖ) [5]. Методика РНЖ относится к разряду проективных. Предполагается, что в малоструктурированной ситуации содержание фантазийной продукции в основном определяется имплицитными структурами индивидуального опыта испытуемого, опосредствующего процесс рисования [5, с. 54]. Поэтому данная методика применялась как с целью выяснения черт личности испытуемого и особенностей его реагирования в конфликтных ситуациях, так и для диагностики авто- и гетеростереотипов. Основанием для последней послужило экспериментально проверенное положение о том, что, кроме проекции Я-образа, рисунок может воплощать идеальный Я-образ и образ значимого другого.

Тест предлагался испытуемому трижды. В первой – контрольной – серии – с обычной инструкцией. Во второй и третьей сериях давалась модифицированная инструкция: «Нарисуйте несуществующее животное так, как, по Вашему мнению, его нарисовал бы человек одной (другой) с Вами национальности». Для обработки рисунков применялся метод экспертных оценок.

Данные, полученные с помощью методики С. Розенцвейга, хорошо согласуются с данными РНЖ.

Рост этничности приводит к усилению этноцентризма, который в условиях снижения нравственного сознания общества и возможного воздействия так называемого «подросткового синдрома» чреват негативными последствиями.

Указанные выше проективные методики были дополнены четвертой – вербальной, опросной методикой, разработанной Г.У. Кцовой и названной диагностическим тестом отношений (ДТО) [3]. Автор методики при ее построении исходила «из общего теоретического положения, основанного на существовании тенденции к идентификации индивида с определенной этнической общностью. Причем такая идентификация предполагает, главным образом, позитивное ценностное

отношение к собственной этнической группе» [3, с. 43]. Это является причиной дифференциации восприятия этнических общностей по шкале «нравится – не нравится».

В методике использовались специально подобранные пары качеств, одно из которых являлось положительным, а второе носило негативный характер. Например, из пары «щедрость – жадность» использовалось только одно негативное качество – «жадность», а в качестве противоположного предлагалась «золотая середина» – «экономность», «бережливость» [3]. Такой принцип подбора определялся целью методики – исследование эмоционально-оценочного компонента стереотипа. В полном варианте методики – 20 пар качеств. Стимульный вариант краткого варианта методики, используемый нами в исследовании, состоит из 12 пар качеств: осторожный – трусливый, дипломатичный – лицемерный, агрессивный – активный, экономный – жадный, темпераментный – вспыльчивый, гордый – высокомерный, остроумный – ехидный, находчивый – хитрый, общительный – навязчивый, покладистый – бесхарактерный, настойчивый – упрямый, аккуратный – педантичный.

Испытуемым предлагается оценить степень выраженности предложенных характеристик у «типичного

го нами лонгитюдного исследования, целью которого было выявление этнической толерантности русских по отношению к литовцам.

Первый этап его был проведен в начале 1989 г., последующие – в 1990, 1991 и 1992 гг. Эти четыре года были исключительно насыщены кардинальными политическими событиями в области межнациональных отношений⁵, что позволило нам выявить влияние политической обстановки в стране на степень выраженности этнической толерантности русских по отношению к литовцам. Каждый год в исследовании принимало участие 30 человек, русских по национальности, в возрасте от 19 до 25 лет, не имеющих длительных личных контактов с представителями литовской национальности. Выборки испытуемых на всех четырех этапах исследования сопоставимы по возрасту, полу и социальному статусу, все четыре раза тестирование проводилось по одним и тем же четырем указанным выше методикам. Каждое обследование проводилось в две серии. Первая серия представляла собой фоновую серию всех тестов, во второй давались предложенные нами модификации. В качестве представителя другой нации – альности выступал воображаемый литовец.

В исследовании подтвердилась гипотеза о существовании различных способов реагирования личности на однотипные проблемно-конфликтные ситуации в своей и чужой этнической среде. Было также доказано воздействие социально-политической обстановки на степень выраженности этнической толерантности. Социально-политическая обстановка неоднократно менялась в течение этих четырех лет. Так, в 1989 г., когда только начали появляться первые робкие требования о государственной самостоятельности Литвы, а движение народного фронта «Саюдис» представлялось средствами информации СССР демократически прогрессивным, этническая толерантность русских по отношению к литовцам в воображаемой ситуации пребывания в Вильнюсе повысилась в 84% случаев и лишь в 16% – снизилась. По результатам теста С. Розенцвейга, у абсолютного большинства испытуемых (84,2%) уменьшилось количество экстрапунитивных реакций препятствен-

⁵ В частности, Литва из союзной республики СССР стала самостоятельным государством, пройдя через трагические события января 1991 г.

но-доминантного и эгозащитного типов (агрессивные реакции, направленные на внешнее окружение) в условиях воображаемого пребывания в Литве. Причем их уменьшение происходило в основном за счет повышения уровня интрапунитивных реакций необходимо-упорствующего типа (39%), что указывает на усиление чувства собственной ответственности за происходящее, проявляющееся не в эгозащитном самообвинении, а в увеличении количества конструктивных решений проблем.

Значительно повысился также уровень реакций необходимо-упорствующего типа (30%). Отмечалось резкое снижение количества реакций препятственно-доминантного типа за счет повышения необходимо-упорствующих реакций (70%), свидетельствующих об увеличении потребности испытуемых в самостоятельном преодолении фрустрирующих компонентов ситуаций. На основании полученных в 1989 г. результатов нами было выдвинуто предположение о том, что пребывание в Литве и общение с литовцами трактовалось большинством испытуемых как ситуация в высшей степени неопределенная. Поведение и реакции наших испытуемых можно сравнить с поведением «гостя в незнакомом доме». Неопределенность ситуации, с одной стороны, и восприятие окружения как превосходящего по уровню цивилизованности (по результатам других методик), с другой, порождали более конструктивный и более конформный типы поведения.

Типы реакций испытуемых, связанные с неуверенностью в себе, различались между собой. У большинства испытуемых (84%) неуверенность способствовала повышению общего количества реакций конструктивного типа, особенно интрапунитивных необходимо-упорствующих реакций, направленных на разрешение ситуации своими силами.

У других неуверенность в собственной компетентности и адекватности в данной ситуации вызывала боязнь оказаться в положении отвергнутого. В результате в ответ на отрицательные реакции других людей (в нашем случае — воображаемых литовцев) человек пытался действовать в соответствии с тем типом поведения, который присущ, по его мнению, представителям литовской национальности. В от-

ветах наших испытуемых появлялось большее, чем в своей среде, количество попыток рассматривать ситуацию примиряющим образом. Давались ответы типа «никто не виноват», «всякое бывает» и т. п., особенно в тех случаях, где «пострадавшим» являлся именно сам испытуемый.

По результатам исследования 1989 г. можно сделать вывод, что этническая толерантность русских по отношению к литовцам повышается при воображаемой ситуации попадания в Литву.

Определение актуального этнопсихологического статуса дает возможность прогнозировать поведение субъекта при встрече с другой этнической культурой и служит базой для дальнейшего проведения коррекционной работы по предупреждению или амортизации «культурного шока».

В 1990 г. мы получили по методике С. Розенцвейга совершенно иные результаты. Характер реакций большинства наших испытуемых на проблемно-конфликтные ситуации при воображаемом попадании в Литву резко изменился. Этническая толерантность к литовцам у испытуемых значительно упала. У большинства испытуемых (62,5%) количество экстрапунитивных реакций во второй серии возросло по сравнению с первой (фоновой). Средний показатель повышения экстрапунитивных реакций оказался равным 17,1% (36,8% — в первой серии и 55,7% — во второй) при среднем показателе, в норме равном 40%. У 16,6% испытуемых количество экстрапунитивных реакций не изменилось, у 20,8% было зафиксировано незначительное снижение (на 5%) их уровня во второй серии по сравнению с первой. Таким образом, наши испытуемые по степени выраженности этнической толерантности к литовцам разделились на три неравномерные группы.

По результатам других методик авто- и гетеростереотипы испытуемых первой (самой большой) группы отличались от авто- и гетеростереотипов испытуемых второй и третьей групп, в которых они были одинаковы.

Увеличение уровня экстрапунитивных реакций у испытуемых первой

группы происходило за счет понижения общего количества импунитивных и интрапунитивных реакций, причем средний показатель снижения для импунитивных реакций оказался большим, чем для реакций интрапунитивных. Резко повысилось количество реакций эгозащитного типа — у 58,3% испытуемых. Средний показатель составлял 17%. Уменьшение уровня реакций эгозащитного типа было отмечено у 37,5% испытуемых и составило 10% по сравнению с уровнем,

зафиксированным в первой серии. Увеличение количества эгозащитных реакций у испытуемых происходило в основном за счет понижения уровня реакций необходимо-упорствующего типа.

Таким образом, в 1990 г. большинство испытуемых (первая группа) реагировало на конфликтные ситуации, возникавшие в воображаемой ситуации «попадания» в Литву, увеличением общей агрессивности (снижением этнической толерантности). Возникающие ситуации рассматривались ими как угроза собственному «Я», а следующая за этим эгозащитная реакция носила характер обвинения других людей (в данном случае — представителей литовской национальности). Произошло резкое сокращение, по сравнению с 1989 г., попыток рассмотрения возникающих конфликтных ситуаций примиряющим образом, одновременно возникла тенденция приписывания ответственности за происходящее другим людям. В большинстве случаев испытуемые вообще прекращали попытки разрешения ситуации своими силами и ограничивались лишь самозащитными реакциями, которые выражались во всякого рода обвинениях в адрес других людей и существующих у них порядков (в нашем случае — в адрес

представителей литовской национальности).

Известно, что реакцией на фрустрацию является актуализация различного рода защитных механизмов, одним из которых является увеличение агрессивности (снижение толерантности). Следовательно, можно сделать вывод, что конфликтные ситуации, имеющие место при воображаемом попадании в Литву, фрустрируют наших испытуемых в значительно большей степени, чем аналогичные конфликтные ситуации, возникающие в собственном окружении. Возникает вопрос: с чем это может быть связано? В данном случае это может объясняться изменившейся в 1990 г. политической ситуацией в стране, связанной с межнациональными отношениями. Крушение мифа о новой исторической общности людей – «советском народе» превратило прежде теоретический вопрос о межнациональных отношениях в повседневную проблему каждого человека.

Изменению отношения к литовцам у большинства наших испытуемых могло способствовать окончательно сформировавшееся к 1990 г. твердое желание народов Прибалтики выйти из состава СССР. В определенной степени само желание народов Прибалтики отделиться фрустрировало русских людей. Мы полагаем, что сила фрустрации могла быть не так велика, если бы желание прибалтийских народов было удовлетворено сразу, то есть произошло отделение на добровольной двухсторонней основе. Но этого не случилось. Руководство страны заявило о несовпадении интересов прибалтийских республик и Союза по данному вопросу. Противоположное определение ценностей привело к возникновению у народов опасения того, что если «противоположные» интересы и ценности других народов будут достигнуты, это приведет к ущемлению их собственных интересов и, следовательно, к ухудшению положения.

Результаты, полученные в 1990 г. с помощью других методик, свидетельствуют не только о падении этнической толерантности к литовцам у большинства испытуемых (первая группа), но и о развитии негативной смысловой установки, выражающейся в восприятии литовцев (гетеростереотип литовцев) как людей черствых, невоз-

мутимых, у которых отсутствует чуждость, терпимость, умение понять чужую точку зрения и уважение иных вкусов и привычек. У испытуемых многочисленных второй и третьей групп, у которых этническая толерантность к литовцам во второй серии не изменилась или незначительно повысилась, негативная смысловая установка по отношению к литовцам отсутствовала.

В 1991 г. исследование было проведено сразу же после кровавых январских событий в Вильнюсе. Демократическая общественность и пресса озабочались на стороне литовцев, и это сказалось на результатах исследования. Был получен положительный гетеростереотип литовца, причем литовец представлялся испытуемым человеком менее агрессивным, чем русский (по результатам ЦТО и методики РНЖ). Результаты методики РНЖ свидетельствовали о том, что большинство испытуемых изображали литовца незащищенным и пассивным. Нами было сделано предположение, что подобные рисунки явились отражением того, что испытуемые воспринимали литовцев в сложившейся ситуации жертвами агрессии. Здесь следует вспомнить, что по результатам 1990 г. гетеростереотип литовца был отрицательным.

Упомянутые выше события в Литве и усложнение положения в стране породили общую напряженность среди населения, и это нашло свое отражение в нашем исследовании. По результатам теста С. Розенцвейга, отмечался рост фоновой экстрапунитивности (общей агрессивности) по группе в целом, составивший 48,6% (норма 40%). Динамика направленности реакций от первой серии ко второй по группе свидетельствует об общем снижении экстрапунитивности (агрессивности) в инокультурном окружении по сравнению с контрольной средой. Следовательно, можно говорить о повышении этнической толерантности.

По результатам исследования, испытуемые во второй серии так же, как и в предыдущие годы, разделились на три группы: испытуемые, у которых во второй серии снизилась этническая толерантность (в 1991 г. это снижение было незначительным по сравнению с 1990 г.); испытуемые, у которых уровень толерантности оказался одинаковым в первой и второй сериях, и ис-

пытуемые, у которых повысился уровень этнической толерантности при воображаемом попадании в Литву (в 1991 г. это была самая многочисленная группа). Но даже падение этнической толерантности во второй серии у первой группы испытуемых не может однозначно расцениваться как агрессивность по отношению к литовцам, так как гетеростереотип литовца у этой группы испытуемых так же, как и у всех остальных, положителен. Скорее всего, незначительное повышение аг-

Таблица 1. Результаты методики ДТО в целом по выборке

№	Я	Идеал	Русск.	Литов.
1	0,03	0,26	-0,04	0,10
2	0,30	0,60	0,21	0,40
3	0,40	0,63	0,46	0,53
4	0,18	0,54	0,08	0,28
5	0,16	0,30	-0,04	0,14
6	0,35	0,46	0,08	0,07
7	0,34	0,44	0,13	0,32
8	0,43	0,50	0,36	0,22
9	0,47	0,60	0,31	0,40
10	0,01	0,49	0,16	-0,01
11	0,15	0,51	0,21	0,22
12	0,18	0,41	0,16	0,14
13	0,26	0,34	-0,10	0,15
14	0,29	0,53	-0,05	0,05
15	0,30	0,35	0,16	0,27
16	0,39	0,50	0,44	0,17
17	0,33	0,52	0,21	0,04
18	0,53	0,57	0,13	0,07
19	0,25	0,37	0,01	-0,13
20	0,35	0,53	0,32	0,40
21	0,34	0,58	0,16	0,18
22	0,43	0,57	0,43	0,37
23	0,13	0,32	0,07	0,05
24	0,50	0,68	0,20	0,10
25	0,31	0,39	0,01	0,21
26	0,32	0,48	0,08	0,12
27	0,28	0,40	-0,02	-0,03
28	0,26	0,51	0,10	0,05
29	0,30	0,50	0,12	0,22
30	0,34	0,55	0,05	0,53
Ср. ан.	0,30	0,48	0,15	0,18

рессивности у первой группы было следствием возросшей общей внутренней напряженности.

И, наконец, результаты исследования 1992 г. К этому времени Литва уже стала самостоятельным государством, и средства массовой информации начали уделять ей меньше внимания. В области межнациональных отношений появились новые болевые точки, которые оттеснили на задний план события в Литве. Что же происходит с этнической толерантностью русских

по отношению к литовцам в новой политической ситуации? Как показывают результаты исследования по методике С. Розенцвейга, динамика реакций от первой серии ко второй по группе в целом свидетельствует об общем уменьшении экстрапунитивных реакций. Можно говорить о повышении этнической толерантности в моделируемой ситуации инокультурного окружения. Общегрупповой уровень фоновой агрессивности (первая серия) в 1992 г. был близок к нормативному.

Повышение этнической толерантности при воображаемом попадании в Литву можно объяснить следующим образом. Эмоции отшумели, Литва стала самостоятельным, суверенным государством, к представителям которого нужно относиться с соответствующей статусу внимательностью и осторожностью, надо уметь сдерживать свои чувства и быть более требовательным к себе в проблемно-конфликтных ситуациях взаимодействия в инокультурной среде.

Все, что говорилось выше, имело отношение к общегрупповым показателям. Однако более детальный анализ результатов, как и в предшествующие годы, позволил, взяв за критерий изменение экстрапунитивности во второй серии по сравнению с первой, разделить всю выборку на три группы, отражающие разные типы индивидуального реагирования на фрустрирующую ситуацию в инокультурном окружении. Первую группу составляли испытуемые, у которых во второй серии повысился уровень экстрапунитивности (43,3%), во второй группе количество реакций этой направленности не изменилось (13,3%), в третьей группе наблюдалось снижение уровня экстрапунитивности во второй серии по сравнению с первой (43,3%).

Опишем результаты исследования по другим методикам в трех выделенных по тесту С. Розенцвейга группах.

Результаты диагностического теста отношений (ДТО) по каждому испытуемому представлены в виде четырех значений диагностического коэффициента: самооценка по указанным качествам, оценка абстрактного образа «идеального человека», оценка «типичного представителя» собственной этнической общности и «типичного представителя» литовской национальности. В целом по выборке были подсчитаны средние значения по всем четырем оценкам (табл. 1).

Если взять оценку «идеала» в качестве нормативной точки отсчета, то ближе всех к нему по степени эмоциональной направленности стоит самооценка (идеал – 0,48, самооценка – 0,30). Оценки автостереотипа и гетеростереотипа не слишком отличаются (русский – 0,15, литовец – 0,18) и являются низкими не только по сравнению с «идеалом», но и по сравнению с самооценкой. Полученные данные

Таблица 2. Результаты методики ЦТО в целом по выборке

№	Раскладка по предпочтению	Раскладка по ассоциации			
		Типичный литовец		Типичный русский	
		Р	В/Н	Р	В/Н
1	12546837	8	6/8	5	3/4
2	45213678	4	1/2	1	4/5
3	54213876	2	3/3	5	1/4
4	53412867	3	2/1	5	1/4
5	54123768	5	1/4	8	8/8
6	54123678	4	2/2	3	5/1
7	52143768	6	7/6	1	3/5
8	52714368	1	4/5	3	6/1
9	52413876	1	4/5	4	3/2
10	56713428	4	6/2	3	5/1
11	56718234	7	3/7	3	7/1
12	32415826	2	2/3	4	3/2
13	53214378	6	6/6	1	4/5
14	52718463	4	6/2	8	5/8
15	25841367	3	6/1	2	1/3
16	24135687	7	8/7	6	6/6
17	54823716	4	2/2	2	4/3
18	38215746	1	4/5	2	3/3
19	87123654	6	6/6	2	4/3
20	43173856	7	4/7	7	4/7
21	52147386	5	1/4	1	3/5
22	58216347	2	3/3	5	1/4
23	43215876	2	3/3	1	4/5
24	52148376	1	3/5	2	2/3
25	28174653	1	3/5	3	8/1
26	42587136	2	2/3	1	6/5
27	25486731	7	6/7	1	8/5
28	82574361	2	2/3	1	8/1
29	52384176	2	2/3	3	3/1
30	81356274	8	1/8	5	4/4
		Средняя 3,7/4,26		Средняя 4,2/3,83	

свидетельствуют о том, что на вербальном уровне у испытуемых отсутствует положительная идентификация со своей этнической группой. Литовцев испытуемые оценивают невысоко.

Усредненные показатели по четырем оценкам были подсчитаны отдельно по каждой из выделенных по тесту С. Розенцвейга групп (табл. 3).

Результаты показывают, что оценки «типичного русского» и «типичного литовца» у первой и третьей групп очень близки между собой и близки к среднегрупповым (0,17 и 0,16 – у первой группы и 0,13 и 0,17 – у второй). Лишь вторая группа (испытуемые, у которых не изменились показатели экстрапунитивности по методике С. Розенцвейга) оценили литовца гораздо выше, чем русского, и даже выше, чем себя. При этом оценка «типичного русского» этой группой выше среднегрупповой. Результаты ДТО по второй группе позволяют предположить, что испытуемые этой группы имеют положительный образ «Мы», то есть идентифицируются со своей этнической группой, и положительный образ «Они» (в данном случае литовцев).

Усредненные показатели валентности и нормативности по результатам цветового теста отношений (ЦТО) в целом по выборке равны: для «типичного литовца» – 3,7/4,26, для «типичного русского» – 4,2/3,83, то есть все показатели близки к 4 (табл. 2). В показателях валентности и нормативности у выделенных групп существуют определенные различия (табл. 4). Говорить здесь о различиях в оценке представителей своего и чужого народов можно достаточно условно. Однако можно сделать вывод, что оценка русского у испытуемых первой группы несколько выше, чем оценка литовца (оценки валентности и нормативности, соответственно, 2,83/3,5 для русского и 3,58/4,16 для литовца). Это хорошо коррелирует с тенденцией к снижению толерантности в иную культурную среду.

Показатель валентности автостереотипа у третьей группы ниже, чем показатель валентности гетеростереотипа (3,9 по сравнению с 2,78), то есть литовец на вербальном уровне оценивается немного выше, что хорошо коррелирует с результатами ДТО, согласно которым литовец также оценивался немного выше испытуемыми этой группы.

Было проведено сравнение цветов, присуждаемых «типичному русскому» и «типичному литовцу», с наиболее и наименее предпочитаемыми в группе цветами. Для этого по группам было подсчитано, какой процент испытуемых предпочитает тот или иной цвет.

В первой группе 33,3% испытуемых присуждают русскому зеленый цвет. По диаграмме предпочтения оценка зеленого равна 6 баллам из 8 возможных, то есть треть испытуемых оценивает русского довольно высоко. Еще примерно 50% испытуемых присуждают в равных частях русскому синий, желтый и розовый цвета, оценки которых, соответственно, 4,9, 4,9 и 6,5 – это опять высокие оценки. Литовцу 25% испытуемых этой группы присуждают синий цвет; по 16,6% – зеленый, желтый и серый цвет, т. е. оценки в целом несколько ниже.

Вторая группа присуждает русскому наиболее предпочитаемые цвета. Так, 50% присудило самый предпочитаемый цвет – розовый. Литовцу 50% той же группы присудило желтый цвет, который получил более низкую оценку.

В третьей группе 35,7% испытуемых считают, что наиболее подходящий образу «типичного русского» цвет – синий, а еще 28,6% считают, что ему больше подходит красный (средняя оценка – 4,2). При оценке же литовца мнения этой группы оказались очень разными. Самая большая группа (28,6% испытуемых) присуждает литовцу зеленый цвет. Три более мелкие группы (по 14,3%) присуждают следующие цвета – синий, желтый, серый (оценка 3,2).

Интересно, что серый цвет, который относится к наименее предпочитаемым в группе цветам, приписывается литовцу намного чаще, чем русскому. Кроме того, что этот цвет мало предпочитается, эмоционально он означает неинтересность, незначимость объекта или его малоинформативность, незнакомость.

В целом, наименее предпочитаемыми цветами литовец оценивается в 20% случаев по выборке, а русский – 6,6% испытуемых. В то же время, самый предпочитаемый цвет – розовый – литовцу присуждают 6,6% испытуемых, а русскому – 16,6%. Таким образом, в целом по группе эмоциональное принятие представителя своего народа все-таки выше, чем представителя чужого народа.

При обработке результатов, полученных по методике «Рисунок несущего животного», был применен метод экспертных оценок. Были приглашены эксперты – четыре студента 5-го курса факультета психологии, имеющие опыт работы с рисуночными тестами. Для чистоты эксперимента все обозначения, кроме порядкового номера, на рисунках, отсутствовали. Эксперты должны были проанализировать 90 рисунков.

Рисунки образа «Я» оценивались по двум параметрам: «агрессивность – дружелюбность» и «враждебность – миролюбивость». Два схожих, на первый взгляд, параметра: «агрессивность» и «враждебность», – были разведены с учетом данных «Тезауруса личностных черт» [10], были также выделены полюса – антагонисты всех факторов. Предпосылкой для выделения этих двух параметров являлось предположение, что агрессивность – это актуальная характеристика образа и в рисунке традиционно выражается в виде игл, рогов, зубов, когтей и т. п.

Враждебность – это состояние готовности к определенным действиям, и для его изображения не обязательно использование упомянутых атрибутов. Враждебность воспринимается как эмоциональное настроение рисунка: животное, лишённое всяких внешних признаков агрессии, может рождать чувство идущей от него угрозы. Расхождения в оценках по этим параметрам, полученные в результате экспертных оценок, подтверждают эту гипотезу.

Таблица 3. Результаты методики ДТО (по группам)

Группы	Я	Идеал	Русск.	Литов.
I	0,31	0,51	0,17	0,16
II	0,34	0,54	0,20	0,41
III	0,27	0,44	0,13	0,17

Таблица 4. Результаты методики ЦТО (по группам)

Группы	Русский		Литовец	
	В	Н	В	Н
I	2,83	3,35	3,58	4,16
II	4,75	5,25	4,25	4,75
III	3,90	3,35	2,78	4,21

Оценка рисунков производилась еще по трем параметрам, один из которых — «приятность — неприятность» образа. При этом мы полагались на мнение многих исследователей о том, что на интерпретацию влияют переживание эмоционального тона рисунка и осознание собственного впечатления

от него [11]. Цель оценки по данному параметру — выявить общее эмоциональное отношение к своей этнической группе (определить, насколько положительна идентификация с собственной этнической группой) и к другой, в данном случае, литовской национальности.

Таблица 5. Сравнение результатов оценки русского и литовца по результатам РНЖ (на основе экспертных оценок)

Параметр	Оценка	Литовец (кол-во испыт., %)		Русский (кол-во испыт., %)	
1. Агрессивность — дружелюбность	отриц. -3		6,6		
	-2	40,0	16,7	20,0	6,6
	-1		16,7		13,4
	неопред. 0	13,3	13,3	6,6	6,6
	положит. 1		26,7		26,7
	2	46,7	13,3	73,4	46,7
	3		6,6		
2. Враждебность — миролюбивость	отриц. -3				
	-2	53,4	20,0	20,0	6,6
	-1		33,4		13,4
	неопред. 0	13,3	13,3	10,0	10,0
	положит. 1		16,6		46,7
	2	33,3	16,6	70,0	23,3
	3				
3. Приятность — неприятность	отриц. -3		3,3		3,3
	-2	70,0	23,3	23,3	6,6
	-1		43,4		13,4
	неопред. 0	3,3	3,3	16,6	16,6
	положит. 1		16,6		40,0
	2	26,6	3,3	60,0	20,0
	3		6,6		
4. Напряженность (защищенность) — расслабленность (незащищенность)	отриц. -3		3,3		
	-2	80,0	33,3	60,0	26,6
	-1		43,3		33,4
	неопред. 0	6,6	6,6	16,6	16,6
	положит. 1		10,0		20,0
	2	13,3	3,3	26,6	6,6
	3				
5. Пассивность — активность	отриц. -3		3,3		3,3
	-2	30,0	6,6	36,6	10,0
	-1		20,0		23,3
	неопред. 0	3,3	3,3	10,0	10,0
	положит. 1		30,0		40,0
	2	66,6	33,3	53,4	13,4
	3		3,3		

Следующие два параметра: «напряженность (защита) — расслабленность (незащищенность)» и «пассивность — активность», — были выдвинуты на основании исследований гетеростеротипа литовца с помощью той же методики («Рисунок несуществующего животного») в 1991 г. Тогда большой процент испытуемых подчеркивал «незащищенность» и «пассивность» образа литовца. Это могло быть как результатом приписывания «типичному литовцу» этих черт вообще, так и своеобразным отражением январских событий: к литовцам была применена сила и они воспринимались как жертвы. Наше исследование должно было проверить эту гипотезу.

Такая черта, как «расслабленность» («незащищенность»), является предпосылкой легкого вхождения в контакт. А «напряженность» («защищенность») будет провоцировать такую же напряженность или (при определенных обстоятельствах) агрессию.

Каждый параметр оценивался по семибалльной шкале от -3 до +3. Затем были вычислены усредненные значения оценок по каждому параметру и каждому испытуемому. Было вычислено количество испытуемых (в процентах), давших отрицательные, положительные и неопределенные оценки по каждому из параметров (итоги в табл. 5).

Выяснилось, что 40% испытуемых, по оценкам экспертов, считают литовца агрессивным. Это в два раза больше, чем количество испытуемых, считающих таковым русского. Причем 6,6% изображают животное «за литовца» очень агрессивным, тогда как при оценке русского эта оценка не встречается.

По параметру «враждебность» расхождения между оценкой представителя своей и чужой групп еще больше. Если при изображении животного «за русского» эту черту выделило 20% испытуемых, то при изображении животного «за литовца» — 53,4%.

Таким образом, подтверждается наше предположение о расхождении в смысловых нагрузках параметров «агрессивность» и «враждебность». Более половины группы изображало животное «за литовца» враждебным, при этом не обязательно подчеркивая его агрессивность.

Больше отрицательных оценок экспертов получают животные, нарисо-

ванные «за литовца», еще по двум следующим параметрам: «приятный» и «напряженный».

70% рисунков «за литовца» расценены как неприятные, тогда как рисункам с изображением животного «за русского» такая оценка дана в 23,3% случаев, причем 13,4% рисунков оценены не очень резко — «скорее неприятный, чем приятный». При этом и положительная оценка животного «за русского» в 40% также была слабой — «скорее приятный, чем неприятный», из чего можно сделать вывод, что русский оценивается в целом положительно, однако близко к среднему.

Параметр «напряженность (защита)» выделяется в большинстве рисунков, при этом литовец оценивается как более напряженный. Как напряженные были оценены 80% животных, нарисованных «за литовца», и 60% животных, нарисованных «за русского». Таким образом, предположительно, литовец считается менее предпочитаемым контактером, чем русский, хотя и не намного.

По фактору «пассивность — активность» литовец оказывается более активным, чем русский. Животное, изображенное «за литовца», таковым обозначается в 66,6% случаев, а животное, изображенное «за русского», — в 53,4%.

Таким образом, результаты исследования 1991 г. можно объяснить политической обстановкой на тот момент. То, что литовцы в настоящее время оцениваются как более активные, тоже объяснимо. Литва отделилась, стала суверенным государством, что требует определенной решительности, активности. Русские же как бы подчинились условиям, обстоятельствам, поэтому преобладают слабые оценки их активности (лишь 40% рисунков оценивается экспертами как «скорее активный, чем пассивный»).

Литовец в целом по выборке оценивается как более агрессивный, враждебный, неприятный, напряженный и активный, чем русский. Нужно отметить, что эти результаты не являются следствием фоновой агрессии и враждебности самих испытуемых. Животные «образа Я» лишь в 30% случаев оценены как агрессивные и в 23,3% — как враждебные. Совпадение собственного агрессивного животного с агрессивными животными, нарисованными «за литовца» и «за русского», происходит только в 10% случаев.

При этом на вербальном уровне (по данным ДТО) оценка русского низкая, она сравнима с оценкой литовца либо даже ниже ее, что может свидетельствовать о низкой идентификации с собственной этнической группой на этом уровне. Эмоциональная идентификация со своей группой намного выше (результаты данной методики в ЦТО). Образно говоря, испытуемые чувствуют примерно следующее: «русские плохие, но все-таки свои, поэтому я их приемлю». Гетеростереотип литовца воспринимается совсем иначе — «они чужие», поэтому на эмоциональном уровне происходит его отторжение.

Подводя итоги проведенного исследования, можно с уверенностью сказать, что предлагаемая батарея модифицированных методов может быть использована для определения как этнической толерантности личности, так и ее актуального этнопсихологического статуса (АЭПС). При этом используемая батарея позволяет определить различные уровни АЭПС личности, как осознаваемые и декларируемые, так и глубинные, неосознаваемые, но являющиеся истинными смысловыми этническими установками личности.

В исследовании в одной из групп испытуемых четко проявилось расхождение знаков этнической идентификации личности на осознаваемом и неосознаваемом уровнях (амбивалентная этническая идентификация), что свидетельствует о ее серьезных нарушениях и неустойчивости. Были также обнаружены испытуемые как с устойчивой отрицательной, так и с устойчивой положительной этнической идентификацией со своей этнической группой.

Результаты исследования всех четырех лет (1989–1992 гг.) свидетельствуют о зависимости этнической толерантности личности от политических настроений в обществе и состояния межнациональных отношений.

Гипотеза о различном реагировании субъекта на однотипные проблемно-конфликтные ситуации в своей и в инокультурной среде нашла в исследовании свое подтверждение. При этом в исследованиях всех лет четко выделились три различные по типу реагирования в условиях инокультурного окружения группы людей: группа, у которой уровень этнической толерантности повышался; группа, у ко-

торой наблюдалось его понижение; и группа, у которой не происходило изменений уровня этнической толерантности. Эти группы отличаются также направленностью и содержанием авто- и гетеростереотипов, степенью выраженности и знаком этнической идентификации.

В настоящее время проводятся исследования зависимости типа реагирования субъекта на инокультурное окружение от ряда личностных характеристик. Авторы надеются, что они помогут понять проблемы вхождения личности в новую культуру и выяснить, почему одни люди теряют свою этническую идентичность, другие становятся маргиналами, а третьи поднимаются на самую высокую ступень межкультурных взаимоотношений, обогащают свою личность знанием и пониманием чужой культуры, не теряя при этом положительной, устойчивой идентификации со своим народом.

В заключение авторы хотели бы выразить искреннюю благодарность студентам факультета психологии О. Сухановой, Л. Шайгеровой и Е. Добродняк за активное участие в настоящем исследовании.

Список литературы:

1. Асмолов А.Г. Деятельность и установка. — М., 1979.
2. Асмолов А.Г., Шлягина Е.И. Национальный характер и индивидуальность: опыт этнопсихологического анализа // Психологические проблемы индивидуальности. — Вып. 2. — М., 1984.
3. Кцоева Г.У. Опыт эмпирического исследования этнических стереотипов // Психологический журнал. — 1986. — Т. 7. — №2.
4. Психология: словарь. — М., 1990.
5. Рисунок несуществующего животного // Практикум по психодиагностике. Психодиагностика мотивации и саморегуляции. — М., 1990.
6. Современная западная социология: словарь. — М., 1990.
7. Тест С. Розенцвейга // Практикум по психодиагностике. Психодиагностика мотивации и саморегуляции. — М., 1990.
8. Цветовой тест отношений // Общая психодиагностика. Основы психодиагностики, немедицинской психотерапии и психологического консультирования. — М., 1987.
9. Цветовой тест отношений // Практикум по психодиагностике. — М., 1988.
10. Шмелев А.Г., Похилько В.И., Кулевская-Тельнова А.Ю. Тезаурус личностных черт // Практикум по экспериментальной психологии. — М., 1988.
11. Яньшин П. В. Психосемантические механизмы рисуночной проекции: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. — М., 1990.